

НЕПОКОРЕННЫЕ СЕРДЦА

Т а м, г д е ж и л и у м е р П а б л о Н е р у д а

Вирхиния Видаль — чилийская журналистка и писательница, член Общества писателей Чили, автор ряда книг и публицистических очерков, опубликованных в Чили и за рубежом. С 1966 по 1973 год — заведующая отделом литературы и искусства газеты «Сигло», органа Компартии Чили. Будучи тесно связанной с художественной жизнью страны, Вирхиния Видаль близко знала многих деятелей чилийской культуры, в том числе Пабло Неруду и Виктора Хару. После переворота работала с Матильдой Нерудой, вдовой великого поэта, поддерживая ее в трудные минуты, помогая словом и делом. В 1976 году В. Видаль покинула Чили. В настоящее время живет в Белграде. Публикуемый очерк написан специально для «Советской культуры».

лета, докучливые журналисты тотчас окружили Пабло и стали забрасывать его вопросами. Он был сдержан, спокоен, чувствовал себя вполне в своей тарелке. «Какая вещь ваша любимая?» — «Старые ботинки». «Как вы распорядитесь денежной премией?» — «Об этом спросите у моей жены». «Какое слово вам нравится больше других?» — «Слово «любовь». Старое, расхожее, затертое. Но мы никогда не устанем произносить его». Потом мы ужинали в узком кругу в доме посла Луиса Энрике Делано и его жены Лолы Фалькон, где были также Мигель Отеро Сильва с супругой, Неруда с женой и я. После ужина прошли в библиотеку. Пабло устроился в кресле и взял как бы наугад одну из книг. Это был сборник стихов чилийской поэтессы Габриэлы Мистраль*, выпущенный издательством «Киманту». Он начал декламировать их и комментировать, воздавая должное поэтессе. Потом Мигель Отеро Сильва читал стихи Габриэлы своим проникновенным голосом, с присущим только венесуэльцам ритмом и теплой мелодичностью... Сколько пре-

красных воспоминаний осталось о тех днях!

Я взглянула на Пабло. Его лицо было спокойно. Глаза прикрыты тяжелыми веками. Рот будто бы приготовился улыбнуться. На нем были клетчатая рубашка с распахнутым воротом, твидовый пиджак. На неподвижном лице застыло нечто вроде иронического спокойствия.

Приехали операторы шведского телевидения. Хотели начать съемку. Я спросила Матильду, как поступить. «Пусть снимают, — был ответ. — Покажи им все. Покажи им этот дом, который был обителью мира, труда, радости и дружбы. Покажи, во что его превратили».

Я повела их по дому, давая пояснения.

«Часкона» выстроена в три яруса на склоне холма Сан-Кристобаль. На уровне улицы расположены две спальни, столовая, кухня. Все затоплено водой. Старинная керосиновая лампа с разбитым опаловым колпаком тихо качается над столом. Мы вновь поднимаемся в гостиную и входим через единственную дверь в супружескую спальню. Вот камин с медным колокольчиком, на котором выгравированы вязью буквы «П» и «М». Широкая кровать разломана. На матрасе — грязные следы солдатских сапог.

Ступая по стеклам, выходим во двор. Инес, супруга писателя Диего Муньоса, подметает и сгребает в кучи мусор. «Ты не должна была этого делать, — говорит, обращаясь к ней, Матильда. — Пусть все будет в таком виде, как они оставили». По каменным ступеням поднимаемся в библиотеку, наполовину скрытую среди деревьев. Здесь был кабинет Пабло, в смежной комнате работала Матильда. Именно в этом кабинете родились многие из его произведений. На пороге, держа в руках опаленный листок бумаги, стоит Роберто Парада. По его лицу текут слезы. Прекрасно поставленным голосом, столь знакомым всей театральной публике Чили, он читает: «Мигель де Унамуну. Из трагических страниц жизни». И при этом покачивает головой, как бы не веря своим глазам. Роберто разглаживает листок и прячет его во внутренний карман пиджака.

В библиотеке стоят часы на подставке со старинной инкрустацией, будто изъятые из какого-то фильма Бергмана. У них не осталось даже стрелок. Сорваны маятник и гири. Старинный циферблат изрезан ножом. Ни одной целой картины, ни одной неповрежденной книги. Кругом следы грабежа и развоя.

Писательница Тереса Амель говорит мне с горечью: «Последними его словами в клинике были: «Их расстреливают, их расстреливают». После разговора с Матильдой он погрузился в сон. Но состояние покоя было недолгим. Он встрепетнулся и начал выкрикивать эти слова, будто одолеваемый каким-то страшным кошмаром...»

В тот холодный и серый сентябрьский день мы утра-

тили ощущение времени. Павшие духом, не зная, как и чем поддержать себя, застыли мы у гроба. Ветер врывается в комнату через окна, в которых нет стекол.

Кета Кинтана, соседка Матильды, предлагает приготовить что-нибудь горячее. Матильда отказывается от всего. Она по-прежнему стоит, словно страж, у гроба своего мужа. Кета обращается к сестре Матильды. Та предлагает нам перекусить, выпить кофе. Входят и выходят люди. Время уже перевалило за полдень. Среди других — Чела Альварес, Анда Фигероа, Омеро Арсе, Лаурита Рейес. Внезапно Матильда — она все время в напряжении, начеку — говорит: «Они идут. Я их не приму». Она с проворством птицы бросается в спальню и запирает дверь изнутри.

Мы видим, как они, одетые в униформу и в штатское, с автоматами наперевес, приближаются к дому. Входят, не снимая ни касок, ни шляп. Один из них представляется начальником сантьягского гарнизона. Он высок, худощав, с повадками кота, на нем полевая форма с желто-красными и зеленоватыми пятнами, каска. Другой, облаченный в парадный мундир, единственный из офицеров, у кого нет при себе оружия, раскрывает рот и начинает произносить речь, будто заученную им наизусть: «Я — доверенное лицо генерала Пиночета. Я хочу говорить с вдовой и родственниками великого поэта Пабло Неруды, который является гордостью национальной литературы. Я хочу выразить им соболезнования... — он прерывает сам себя. — Где вдова, есть здесь родственники сеньора Неруды?»

Чела Альварес обрывает

его с волнением в голосе: «Все мы здесь — члены семьи Неруды. И требуем уважения к нашему горю!»

«Доверенное лицо» вновь заводит свою речь. Анда Фигероа говорит ему: «Вдова отдыхает и не примет вас».

Офицер в очередной раз пытается произнести заученные слова. Чела ставит его на место: «Здесь, в руинах, которые вы оставили, мы отвечаем Неруду. Мы хотим, чтобы вы предоставили нам возможность отдать ему наш последний долг. И еще мы хотим гарантий того, что этой ночью будем чувствовать себя в безопасности».

«Мы этого не делали, — на этот раз подает голос начальник гарнизона, — чилийская армия с уважением относится к тем, кто является гордостью нации».

Чела отвечает ему, что дом подвергся спланированному разрушению и это заметно по всему. Военный просит, чтобы были представлены свидетели.

«О каких свидетелях вы говорите, сеньор офицер? — обращается к нему Чела. — Вы думаете, что кто-либо отважится давать показания? Люди запуганы». Затем она вкратце описывает, в каком состоянии находится дом и какие «маневры», — она упорно требует именно это слово — следует предпринять, чтобы подойти к гробу. Один за другим присутствующие дополняют деталями ее рассказ. «Доверенное лицо» делает шаг вперед, как бы желая удостовериться в правдивости этих слов. Вооруженные люди моментально приходят в движение и рассеиваются по комнатам. Мы отступаем гроб так, чтобы они не смогли взглянуть на покойного. Мы хотим оградить Пабло от очередного

оскорбления. Через минуту военные возвращаются и с соответствующими выражениями на лицах уверяют, что ни солдаты, ни карабинеры не могли совершить подобное варварство.

(Несколько дней спустя появится официальное сообщение, в котором вся вина будет возложена на банду подростков во главе с десятилетним хулиганом, которые якобы и учинили погром в доме поэта. Потом, по мере проработки проходящей вдоль улицы оросительной канавы, в ней будут находить различные предметы из дома Неруды: изрезанные картины, разбитую столовую посуду, подносы, куски изделий из дерева, стекла, керамики).

Прежде чем покинуть дом, военные (никто не двинулся с места, чтобы проводить их) заявляют, что правительство в связи с кончиной поэта объявит официальный трехдневный траур. Отсчет власти начали с момента смерти Неруды, а уже потом назначили день похорон. Получился траур наоборот!

А люди все приходили. Группа рабочих, не устраивавшихся места властей, встала в почетный караул. Даже те, кого хунте удалось склонить на свою сторону, отказались прийти в «Часкону» и попрощаться с поэтом.

Наступление комендантского часа, объявленного тиранией, заставило многих из нас покинуть дом. У подъезда я задержалась: взгляд упал на роспись на каменной стене, стоящей углом к дому Пабло. (Ко дню рождения поэта ее сделал ребята из бригады Рамоны Парры. В ней преобладали чистые красные, желтые, голубые тона, отороченные черным. Как на полотнах Фернана Леже. Знамена, голуби, фигуры молодых рабочих и крестьян, которые поют, учатся, строят. На подобные темы в Чили было создано немало настенных росписей. Возникло целое движение молодых художников, сила и оригинальность которого привлекли внимание критиков. Искус-

* Габриэла Мистраль была первым латиноамериканским поэтом, удостоенным Нобелевской премии. Вторым стал Неруда. — Ред.

Сов. культура, 1989, 30 июля

НЕРУДА

его с волнением в голосе: «Все мы здесь — члены семьи Неруды. И требуем уважения к нашему горю!» «Доверенное лицо» вновь заводит свою речь. Анда Фигероа говорит ему: «Вдова отдыхает и не примет вас».

Офицер в очередной раз пытается произнести заученные слова. Чела ставит его на место: «Здесь, в руинах, которые вы оставили, мы отвечаем Неруду. Мы хотим, чтобы вы предоставили нам возможность отдать ему наш последний долг. И еще мы хотим гарантий того, что этой ночью будем чувствовать себя в безопасности».

«Мы этого не делали, — на этот раз подает голос начальник гарнизона, — чилийская армия с уважением относится к тем, кто является гордостью нации».

Чела отвечает ему, что дом подвергся спланированному разрушению и это заметно по всему. Военный просит, чтобы были представлены свидетели.

«О каких свидетелях вы говорите, сеньор офицер? — обращается к нему Чела. — Вы думаете, что кто-либо откажется давать показания? Люди запуганы». Затем она вкратце описывает, в каком состоянии находится дом и какие «манеры», — она улобляет именно это слово — следует предпринять, чтобы подойти к гробу. Один за другим присутствующие дополняют деталями ее рассказ. «Доверенное лицо» делает шаг вперед, как бы желая удостовериться в правдивости этих слов. Вооруженные люди моментально приходят в движение и рассеиваются по комнатам. Мы обступаем гроб так, чтобы они не смогли взглянуть на покойного. Мы хотим ограничить Пабло от очередного

оскорбления. Через минуту военные возвращаются и с соответствующими выражениями на лицах уверяют, что ни солдаты, ни карабинеры не могли совершить подобное варварство.

(Несколько дней спустя появится официальное сообщение, в котором вся вина будет возложена на банду подростков во главе с десятилетним хулиганом, которые якобы и учинили погром в доме поэта. Потом, по мере прочистки проходящей вдоль улицы оросительной канавы, в ней будут находить различные предметы из дома Неруды: изрезанные картины, разбитую столовую посуду, подносы, куски изделий из дерева, стекла, керамики).

Прежде чем покинуть дом, военные (никто не двинулся с места, чтобы проводить их) заявляют, что правительство в связи с кончиной поэта объявит официальный трехдневный траур. Отсчет власти начали с момента смерти Неруды, а уже потом назначили день похорон. Получился траур наоборот!

А люди все приходили. Группа рабочих, не устраившихся мести властей, встала в почетный караул. Даже те, кого хунте удалось склонить на свою сторону, отважились прийти в «Часкову» и попрощаться с поэтом.

Наступление комендантского часа, объявленного тиранией, заставило многих из нас покинуть дом. У подъезда я задержалась: взгляд упал на роспись на каменной стене, стоящей углом к дому Пабло. (Ко дню рождения поэта ее сделали ребята из бригады Рамоны Парры. В ней преобладали чистые красные, желтые, голубые тона, отороченные черным. Как на полотнах Фернана Леже. Знамена, голуби, фигуры молодых рабочих и крестьян, которые поют, учатся, строят. На подобные темы в Чили было создано немало настенных росписей. Возникло целое движение молодых художников, сила и оригинальность которого привлекли внимание критиков. Искусст-

во вышло на улицы, к народу. В те дни должна была открыться выставка бригады имени Рамоны Парры в Париже. Матильде не дадут спокойно жить из-за этого панно. Ее будут преследовать, требуя разрешения стереть роспись. Она будет защищаться изо всех сил, ссылаясь на то, что это подарок, который преподнесла Пабло молодежи. «Это не довод», — скажут ей. И через несколько месяцев она с болью в сердце будет вынуждена отступить).

На следующее утро, в день похорон, к «мертвому дому» потянулся целый людской поток. Женщины в скромных одеждах, трудовой люд, писатели, артисты, журналисты, ученые, политики. Бросилось в глаза присутствие среди прочих Никанора Парры. В те дни в одной газетенке, принадлежавшей престу «Меркурию», была воздана хвала этому поэту, которого представили как доселе «непонятого» и объявили жертвой Народного единства. Никанор никогда не принадлежал ни к какой партии и был повсеместно известен своей «политической и поэтической независимостью». Мы обменялись с ним несколькими фразами. Никанор сказал: «Они пытаются превратить меня в своего придворного поэта. Этот номер у них не пройдет». Слова Парры прозвучали как клятва у гроба Неруды. Написанная им позднее поэтическая пьеса «Виноградные листья» вызвала ненависть фашистов, и они подожгли здание театра, в котором она была поставлена.

Наступает драматический момент. Гроб с телом покойного выносят за ворота. Это удастся с большим трудом: сказываются последствия погрома. Мы направляемся к кладбищу. Город погружен в тишину. В каждом окне внимательные лица, а если из навески, то наполовину отдернутые, стиснутые робкими пальцами. Во многих местах по пути следования траурной процессии — вооруженные патрули. Но вот тишину разбивает мужской голос, и,

как удар волны, воздух сотрясают слова:

Клянемся тебе, что свобода чистым цветком прорастет на оскорбленной земле*.

Все, кто идет в траурной колонне, подхватывают этот лозунг. С каждым повтором он набирает силу. Никто не обращает внимания на иностранных телеоператоров, которые, как бы желая увековечить клич, ловят в объектив лица, рты людей.

Клянемся тебе, что продолжим твой путь, покуда народ не одержит победу!

Новые и новые строки поэта звучат, как новые лозунги, с решимостью, с жаром:

...подобно стеблям пшеницы, неисчислимый народ соединяет корни, накапливает колосья, и в бурю свободно растет, тянется к свету всего мирозданья.

По мере того, как мы приближаемся к главному входу Центрального кладбища, все более отчетливо видна толпа людей, заставившая у ворот в скорбном молчании. Они вливаются в нашу колонну, и вот уже вокруг — волнующееся, готовое выплеснуть всю свою скорбь людское море. Гроб устанавливают на подвижной платформе. Кто-то берет в руки книгу Пабло, и через несколько секунд очередной его стих звучит как боевой клич:

Вот перед вами, словно гряда шпата, моя душа, готовая к сраженью...

В глазах людей застыли слезы. И поэтому чуть дрожат их голоса, когда они запевают первый куплет «Интернационала». Взметнулись вверх сжатые кулаки: «Вставай, проклятым заклепанный...» Голоса крепнут, вырываются на простор, откачивается перехвативший дыхание комок в горле...

* Здесь и далее перевод стихов П. Грушко.

Кортеж продвигается к фамильному склепу Адрианы Дитборн, которая предоставила его в распоряжение Матильды, поскольку не было возможности тотчас исполнить желание Пабло:

Друзья, похороните меня в Исла Негра, у океана, знакомого мне каждой складкой своих волн и утесов, которых уже никогда не увидят мои смеркшиеся глаза.

Ширится людской прилив. Я вижу Немесио Антунеса. У него обычно нежная мягкая улыбка, полные жизни веселые глаза, контрастирующие с посеребренной временем головой. Сейчас его глаза горят гневом. Он рассказывает мне о чудовищном акте вандализма. Фашисты штыками прокололи ящики, в которые была упакована ценнейшая коллекция, подаренная одним из музейщиков Мексике Национальному музею изящных искусств. Немесио был его директором еще со времен правительства Фрэя. В эти дни он ушел в отставку. «Мне стыдно», — говорит он.

Я вижу писателя Франсиско Колоане, человека огромного роста и мощного телосложения. Он похож сейчас на капитана старинного корабля, пущенного ко дну.

А вот вдаль чья-то знакомая белокурая голова и плечи, вздрагивающие от рыданий. Я подхожу ближе. Лицо Джоан Тернер — вдовы Виктора Хары — опухло от слез. От тех, что пролиты по Виктору, по Пабло, по всем, кто пал от рук палачей. Я обнимаю ее. Спрашиваю о детях. Не переставая плакать, она говорит мне, что дети понимают все, что происходит. За несколько дней до этого до меня дошла страшная весть. Я позвонила Джоан по телефону: «Скажи, это правда?» Ее ответ прозвучал сухо, как удар хлыста: «Да. Больше мне нечего добавлять». Я опять задала ей жестокий вопрос: «Знаю, что тебе больно, но ты должна сказать мне: правда, что ему отрубили руки?» — «Нет.

Но если бы ты видела тело, его тело, которое было таким прекрасным... Теперь это сплошное месиво, темно-ливовое, раздробленное, растерзанное... Я с трудом нашла его среди других трупов. Оно неизвестно...» И она захлебнулась в рыданиях.

Между тем звучали волнующие выступления, произносились надгробные речи, окрашенные тихой грустью. Невозможно описать лица слитой воедино массы людей, вобравшей в себя деятелей искусства, культуры, политиков, рабочих, учащихся, молодых матерей с детьми на руках, горькоблестящих стариков и старух. Из уст в уста передается по цепочке: «Выходить организованно, спокойно, не скопляясь. За воротами — в разные стороны».

Мы медленно начинаем разбредаться. Только теперь я с удивлением замечаю, что кладбищенская площадь окружена солдатами: ступни ног на ширине плеч, чтобы лучше сохранять равновесие, на уровне груди — стиснутые двумя руками автоматы. Они поглощены сознанием собственного превосходства, готовы в любой момент вступить в бой с народом, защищенным единственной броне — болью своего сердца. Я медленно продвигаюсь вперед. Что-то заставляет меня задержаться перед белыми листками бумаги, наклеенными в нишах стен, там, где обычно продавцы цветов предлагали посетителям кладбища свои свежие и яркие букеты. Я пробегаю глазами эти листы обычного формата, испещренные машинописным текстом. Передо мной — списки тех, кого следует опознать в морге!

«Пол — мужской, около 30 лет». «Пол — женский, 20 лет». Новые и новые листки: мужчины и женщины. Я чувствую, как в моих жилах стынет кровь. (Ровно год спустя мы вновь пришли на кладбище. Не имея возможности исполнить желание Пабло, Матильда перенесла его гроб в нишу другого «павильона» — на чилийских кладбищах так называют мас-

сивную стену со многими нишами, — который по странному совпадению носит имя Мексиканский. Пабло и поныне не на берегу океана. Нет, не о таком пейзаже для своего последнего пристанища мечтал он. Не бушующий и шумный океан — символ движения и жизни — расстилается перед ним, а море крепостей. В том же самом павильоне покоятся останки Виктора Хары, Мигеля Энрикеса и десятков других молодых сынов Чили. Будь проклята моя память! То и дело всплывают перед глазами эти высеченные на мраморе имена и рядом с ними незамысловато выгравированные простые фразы: «Моему любимому сыну, павшему в борьбе за свои идеалы». «Здесь похоронены братья А. и П., отдавшие жизни в борьбе за справедливость». «Мой милый муж, твои дети и я продолжим твоё дело». Заставляющие содрогнуться, лаконичные, но очень красноречивые, непривычные на каменных кладбищенских плитах фразы. Они болью сердца начертаны рядом с колонками цифр. Даты рождения и смерти. Из них следует, что большинство из этих людей были убиты в расцвете сил, на взлете жизни. Эскалация убийств падает на период с сентября 1973-го по конец 1974 года). У меня возникает желание достать бумагу и ручку и переписать тексты с каменных плит, но я не решаюсь: все то время, что я иду вдоль стены, злобный ангел смерти — одетый в штатское офицер ДИНА* на мотоцикле — делает круги по кладбищенской площади. Он кружит и кружит, словно пытаясь мысленно сфотографировать лица тех, кто пришел проститься с Нерудой.

Матильда до полудня простояла у ниши. Мимо проходят люди всех возрастов. У каждого в руке — алая гвоздика. Перед нишей растет гора цветов. Неожиданно откуда-то появляется несколько групп молодых людей, не бо-

лее трех человек в каждой. Они действуют с молниеносной быстротой. Поправляют цветы. Прикрепляют на стену газетную вырезку с фотографией Пабло и некрологом. В каждом углу ниши укрепляют по гвоздике. Черными фломастерами пишут на мраморе лозунги: «Пабло Неруда с нами! Смерть фашистской хунте». Заглавное R от слова resistencia (сопротивление) взято в кружок. Гвоздики ложатся в ниши Виктора, Мигеля и других павших товарищей.

Ангел смерти продолжает кружить по кладбищу.

На помощь юношам приходят девушки. Их легкие пальцы скользят по краям каменных плит, у которых вырастают стопки писем. Аккуратно сложенные вдвое тетрадные листки, записки на белой, розовой, лазурной бумаге ложатся одна на другую. На них переписанные от руки стихи Пабло, воззвания и послания: «Пабло, твоя любимая Матильда не одинока, мы ее собережем!», «Пабло, мы продолжим дело, за которое ты боролся. Мы доведем его до победы».

Десятки посланий ложатся одно к другому. В этот момент появляется старик, одетый в заносный темнокоричневый костюм, выцветший от солнца и дождей, в костюме цвета самой земли. Его лицо изрезано морщинами, неподвижно и, кажется, лишено всякого выражения. Сероватые волосы зачесаны назад. Он начинает говорить, почти не разжимая губ. Рассказывает, что во многих из этих ниш по несколько трупов, что невозможно назвать точное число тех, кто здесь похоронен. Он прятался между могилами и видел, как на кладбище въезжали груженые трупам машины. Солдаты сами закапывали их в землю, не позволяя приблизиться могильщикам. Старик продолжает страшный рассказ, помогая расставлять цветы, освобождать от уже высохших букетов горшочки. Кружит ангел смерти. Старик собирает свои банки и горшочки и удаляется, сли-

вшись с могилами и склепами. Несколько дней спустя после похорон Общество писателей Чили организовало вечер, посвященный Пабло Неруде. Дом писателей на улице адмирала Симпсона, 7, тоже был одним из объектов внимания и заботы со стороны Неруды. Там теперь все не так, как прежде. На привычном месте, на стене зала заседаний уже нет картины, подаренной писателем Хоакином Эдвардсом Бельо; она была написана с фотографии, запечатлевшей похороны Ленина... Многих писателей бросили за решетку. В их числе Омар Лара, главный редактор «Трильсе», старейшего поэтического журнала. Среди присутствующих я вижу Максимо Пачеко, бывшего министра просвещения. Он говорит мне с нескрываемой болью в голосе: «Они уничтожили настенную роспись Хулио Эскамеса в муниципалитете Чильяна». «Замаскировали краской?» — спрашиваю я. «Нет. Соскоблили, разбили кирками...» Я отказываюсь в это верить.

По старой традиции после официальной части мы спускаемся в погребок Дома писателей, который несколько лет назад в торжественной обстановке открыл Неруда: в тот памятный вечер в погребке царил веселье, celebrated известного мексиканского поэта Лопеса Веларде, чьим именем и называли это уютное местечко. Теперь наши ряды значительно поредели. Организуется складчина: деньги пойдут семьям писателей, томлящихся в тюрьмах.

Я спрашиваю у одного из своих коллег: «Что мы можем сделать?» На его лицо набегают тени, но в голосе звучит решимость: «Работать. Писать. Хотя бы так, как это делает Курсио Малапарте. Он прячет листки с записями в дупла деревьев, в расщелины камней, где они ждут своего часа...»

БЕЛГРАД.

Перевел с испанского В. КУЧЕРОВ.

(Окончание следует).

* Чилийское гестапо. — Ред.